

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б73

THE GODS OF H.P. LOVECRAFT

Copyright © 2015 Aaron J. French

- “Call The Name” — Cthulhu © 2015 Adam LG Nevill
“The Dark Gates” — Yog-Sothoth © 2015 Martha Wells
“We Smoke the Northern Lights” — Azathoth © 2015 Laird Barron
“Petohtalrayn” — Nyarlathotep © 2015 Bentley Little
“The Doors that Never Close and The Doors that Are Always Open” —
Shub-Niggurath © 2015 David Liss
“The Apotheosis of a Rodeo Clown” — Tsathoggua © 2015 Brett J. Talley
“Rattled” — Yig © 2015 Douglas Wynne
“In Their Presence” — The Mi-Go
© 2015 Christopher Golden & James A. Moore
“Dream a Little Dream of Me” — Nightgaunts © 2015 Jonathan Maberry
“In the Mad Mountains” — Elder Things © 2015 Joe R. Lansdale
“A Dying of the Light” — Great Race of Yith © 2015 Rachel Caine
“Down, Deep Down, Below the Waves” — The Deep Ones
© 2015 — Seanan McGuire
Commentary on each deity by Donald Tyson

Иллюстрация на переплете художника *Ольги Закис*

Б73 **Боги** Лавкрафта / Адам Нэвилл, Лэрд Баррон, Джо Р. Лансдейл; [перевод с английского Ю. Р. Соколова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-04-104627-9

«Боги Лавкрафта» — антология, включающая двенадцать эксклюзивно написанных историй мастеров темного жанра. Ктулху, Азатот, Шаб-Ниггурат и Адам Нэвилл, Лэрд Баррон, Бенгли Литтл, Джо Лансдейл, Дуглас Уин. Каждый рассказ посвящен одному из божеств «Мифов Ктулху» и снабжен комментарием современного автора «Некрономикона», писателя и демонолога Дональда Тайсона.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104627-9

© Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Веронике — дающей мне время.
Доминику — мейейшему парнишке*

Назови имя

АДАМ НЭВИЛЛ

Адам Нэвилл или **Адам Эль Джи Нэвилл** (род. 19 апреля 1969 года в Бирмингеме, Великобритания), — современный английский писатель, работающий преимущественно в жанре хоррора и мистики, редактор. Значительную часть детства провел в Новой Зеландии. Окончил курсы писательского мастерства Университета Св. Эндрюса — старейшего университета Шотландии. Долгое время публиковался под псевдонимом Линдси Гордон, в основном как автор и составитель эротической литературы. Прославился романом «Ритуал» (*The Ritual*). Прежде чем заняться исключительно писательским ремеслом, работал редактором.

На ржавом песке, под небом цвета серы вдоль длинного и ровного пляжа распростерлась огромная туша. Черные соленые волны ударили в серую массу безжизненной плоти, окутывали труп пеной. Разбросанные по телу колосса десятки молочного цвета глаз слепо взирали в пространство. Вдали, у обоих краснокаменных мысов, замыкавших залив, плоть блестела в тех местах, где оставалась целой, и казалась студенистой там, где гление уже успело изъязвить гладкие бока.

Желтый свет пробивался сквозь медленно стужавшиеся неподвижные облака, понемногу затмевавшие солнце, позволял различить длинный клюв, усаженный мелкими зубами кита-убийцы и как бы улыбавшийся. Остатки того, что прежде было огромным грудным или спинным плавником, истрепанные, как большой корабельный парус зарядом шрапнели, все еще возносились к небесам. Кое-где на берегу, способном на Марсе оградить безводное озеро, по песку из-под туши текли длинные прозрачные студенистые струи, словно бы эта стена плоти была ранена во время битвы левиафанов, произошедшей в не знающих света глубинах черного океана. Или, может быть, туша эта раздавила собой другую, прозрачную громадину, впрочем, прозрачные щупальца могли быть и частью трупа. Клео не могла об этом судить. Ни одна птица не взлетала с павшего гиганта и не опускалась на него. Неужели гигантская тварь представляет собой всего лишь ком материи, непристойным образом сложившейся в водах океана и исторгнутой им как мусор?

Словом, Клео с полным отвращением изучала тварь, выброшенную волнами на берег, в котором она теперь опознала старую эспланаду Пейнтонa, изменившуюся, как преобразились атмосфера, океан и цвет песка. И в тот самый момент, когда Клео поняла, что попытки определить видовую принадлежность гигантской *твари*, а также понять, *где* находится она сама, не столь важны для нее, как осознание времени, когда все это происходит. Ей удалось заметить, что она на пляже не одна. Над темно-красными глыбами, располагавшимися всего в нескольких футах от того места, где с раскрытым ртом замерла она, появились две черные усатые головы, гладкие, как у тюленей, однако сидевшие на шеях, ниже которых располагались плечи и руки.

Стараясь не потерять их из вида, Клео отодвинулась от них с той быстротой, которую в сновидении допускало движение по рыхлому песку — не быстрое и не далекое. Головы исчезли — для того лишь, чтобы появиться поближе к ней, возле источенной водой каменной стены. Черные твари, спрятавшиеся было за грядой, высунулись повыше — словно псы, учуявшие благоуханную добычу.

Вдалеке, за выраставшим из галечника краснокаменным мысом в самом конце пляжа, великий рык распорол воздух... воздух, в котором не было ни единой морской птицы. За рыком последовал жуткий визг, испущенный вторым голосом. Горестный вопль этот словно вырвал кусок сердца Клео. Там, за мысом, на землю с глухим стуком обрушилось тяжелое тело, и падение это было не только слышимым, но и осязаемым в колебаниях почвы. Звук, подобный хрусту огромной отломившейся ветви, и череда взволнованных криков подкрепили ее убежденность в том, что там, за мысом, тварью огромной и сильной только что было предано смерти существо менее громадное и могучее.

Плоть твари, по которой она бежала, вдруг сделалась рыхлой под ее ногами и как бы ушла в глубь себя, — как если бы ноги ее стали зарываться все глубже и глубже в песок. Посмотрев вниз, она увидела, что к ней обращено лицо,

НАЗОВИ ИМЯ

несомненно прежде бывшее человеческим... увидела, но только на краткий миг. Лицо это выражало понимание того, что пришел конец долгих страданий его обладателя: слишком уж человеческий рот раскрылся, хватая воздух, розоватые жабры трепетали внутри сделавшейся более прозрачной шеи. Завершившееся лицом длинное и теряющее цвет тело принадлежало морскому коньку. Колючий хвост его беспомощно бил по песку.

С коротким, полным сочувствия рыданием обезумевшая Клео решила было разбить изящную голову этого существа камнем, чтобы окончить его страдания, однако преследователи приближались, и даже как будто бы уже перебирались через каменную гряду и шипели, замечая охватившие ее панику и усталость.

Путь вперед ей преграждал какой-то хобот или конечность, покрытая белыми пятнами тлена, откинутаая на берег огромным, распростертым вдоль края воды трупом.

Клео была убеждена в том, что попытка бегства в любом направлении окажется тщетной, и уверенность эта распространялась и на то, что смерть ее на песке легкой не будет. Окруженная трупами, посреди хруста костей, доносившегося из-за набросанной волнами гряды мусора, она поняла, что здесь, в этом месте, ничего другого, кроме гибели, быть не может. И понимание этого было самым худшим посреди всего прочего.

Клео вздрогнула, просыпаясь. Лицо ее было влажным. Еще она говорила во сне или кричала; об этом свидетельствовало пересохшее горло.

Она едва не расплакалась от облегчения, медленно осознавая, что находится в знакомой ей комнате. Впрочем, некоторые части этой комнаты казались ей незнакомыми и не принадлежащими ее дому, во всяком случае, к той части его, которую она могла вспомнить. Возможно, подробности и предметы эти завтра сделаются узнаваемыми и даруют ей утешение, а не тревогу.

Еще одна жаркая двадцатиградусная ночь.

Клео отпила воды из закрытого поильника, оставленного на блюде возле ее мягкого кресла. Запив тревогу двумя успокоительными таблетками, она включила новостной канал и принялась следить за тем, как погибал перед ней на экране мир.

Итальянский флот задержал пятый за три дня корабль с беженцами. Количество жертв измеряется тысячами. Выживших нет.

Прямой ночной репортаж транслировался из Средиземноморья. Итальянский военный корабль перехватил еще один транспорт.

Металлические переборки внутри дрейфовавшего судна предсказуемым и функциональным образом были выкрашены той жуткой серой краской, которую Клео связывала с войной на море или с морскими катастрофами. Трубы тянулись под низким, усеянным головками заклепок потолком. Краска бугрилась ржавчиной. Пылинки искрами порхали в лучах света, улетаая во тьму подобием планктона, клубящегося над затонувшим судном. Камера выхватила из зеленоватой тьмы лихорадочный полет мотылька.

Неподвижные вещи вперемежку покрывали нижнюю палубу, образуя нищенскую процессию, уходящую за пределы взгляда: одеяла, обнаженные конечности, свалившиеся с ног сандалии, хаотичные груды багажа и бледные пятки ног, прошагавших уйму миль для того лишь, чтобы попасть на этот корабль, но теперь навсегда утратившие возможность ходить. Пространство на экране заканчивалось пустотой.

На экране возникла фигура, высокая, слишком уж прямая и передвигающаяся медленно и неловко, как астронавт в невесомости, — это был представитель службы биологической безопасности или военной лаборатории, одетый в защитный биокомбинезон с полной инструментов сумкой в руках. За ним следовали еще двое людей, аналогичным образом одетых в защитные костюмы... присоединенные к шлангам, они осторожно ступали в этой атмосфере цвета желто-зеленой амбры, неразличимые в таком свете лица их прятались за серыми

НАЗОВИ ИМЯ

прозрачными масками. Они тоже несли с собой пластиковые ящики. Всех троих снимал четвертый — присоединенной к шлему камерой.

Затем на экране один за другим промелькнули свидетельства трагедии — распухшие черные и коричневые лица, открытые и залитые кровью глаза, алые раны ртов, внутри которых гримасничали покрытые охряной пленкой зубы. Один из промелькнувших крупным планом мужчин широко распахнул рот, вычеканенный смертной мукой, — так, словно в последний момент жизни криком пытался отогнать саму смерть. Возле него молодая мать прижимала к себе завернутого в пончо ребенка. Малыш отвернулся, словно бы заранее пугаясь камеры. Лица большинства мертвецов были обращены к полу, словно бы жизнь, с которой они расстались, была настолько невыносима, что не стоила даже последнего взгляда.

Картинка сменилась изображением самого судна, большого и дряхлого торгового корабля, покоровшегося волнам, облитого кровавыми потеками ржавчины... белый мостик без единого огонька. Сигнальные вспышки окрашивали воду игрой красных огней. Патрульные катера и фрегат держались поодаль, не выпуская судно из скрещения белых лучей прожекторов... объект исследования, обнаруженный на черной поверхности моря. Возле корпуса аварийного судна покачивались на волне резиновые шляпки. Морские пехотинцы теснились в меньшей из них, однако лица их и стволы оружия были обращены кверху, к бортовому ограждению. Переднюю и кормовую палубы торгового судна аналогичным образом покрывал собой мусор, оставшийся после ухода человеческой жизни. Маслянистые волны с привычным безразличием лизали борта очередного одряхлевшего судна, так и не сумевшего прийти к берегу.

Дети.

Далеко-далеко, пребывая в относительном комфорте и безопасности собственной квартиры в графстве Девон, Англия, Клео зажмурилась и на какое-то время позволила себе погрузиться в эту багровую и глубоко личную тьму. Она хо-

тела, чтобы прошедшие перед ней картинки не померкли, однако лицезрение столь ужасных вещей требовало признать их нормальными, прекратить волноваться из-за них. Даже эта новая болезнь и бесконечный поток беженцев являлись пу-
стыжками в общей схеме событий.

Когда она снова открыла глаза, имена политиканов, чиновников, военных и ученых сменяли друг друга в субтитрах, читать которые у нее не было сил. Каждый из выступавших выкладывал свою порцию информации. Из Ливии приплыл корабль с людьми: отчаявшимися жителями Восточной, Западной, Центральной и Северной Африки.

Через несколько секунд сюжет телепередачи изменился. На фоне темно-зеленой листвы, среди зарослей высокой травы можно было видеть несколько темных силуэтов. Субтитры и карта указали на лес в Габоне. Ролик также был свежим, потому что она еще не видела его ни на одном из двенадцати новостных каналов, между которыми скакала, оставаясь неподвижной в этой адской жаре.

Хотя по образованию Клео специализировалась по флоре и фауне прибрежных английских вод, как отставной борец за охрану окружающей среды она не могла устоять перед любой из новостей, повествующих об осквернении живой природы. Подобно мазохисту она выслушала подробную повесть о ходе Шестого Великого вымирания и о его неотвратимой и решительной поступи на протяжении всего короткого голоцена. И понимая собственную вину, не ощутила особого сочувствия к участи представителей ее собственного вида — никак не большего, чем к судьбе прочих видов, с которыми некогда сосуществовало человечество и которых впоследствии уничтожило. Шестьдесят процентов видов живой природы погибли, уступая свое место на планете людям, число которых уже перевалило за девять миллиардов. Клео хотелось бы никогда не видеть этого ужаса собственными глазами.

Она изменила настройку, и комнату наполнили звуки. Запись была сделана в одном из самых последних лесов Экваториальной Африки. Диктор утверждал, что в этом лесу пе-

НАЗОВИ ИМЯ

ред глазами зрителей заканчивается история диких горилл. А Клео даже и не знала, что они еще существуют. Оказалось, что последние двести тридцать семь горилл, сумевших зацепиться за жизнь в глубине одного из последних находящихся в частной собственности участков природных джунглей, увы, только что растянулись вверх брюхом или скорчились в тисках смерти под облаками мух.

Служба новостей подтверждала, что ответственность за это несет седьмая вспышка габонской лихорадки; той же самой пандемии, которая скосила уцелевших диких приматов в Центрально-Африканской Республике, Демократической Республике Конго, Камеруне и Уганде. Гориллы официально объявлены вымершими — такими же мертвыми, как все беженцы на борту еще одного транспорта, зараженного тем же вирусом.

Единственный вопрос, который она вполголоса себе задавала сейчас, ничуть не изменился за прошедшие сорок лет с 2015 года: *как, по-вашему, что произойдет с Африкой, если прекратятся продовольственная помощь и экспорт?* Как сумеют в таком случае устоять страны Экваториальной и Северной Африки? Ведь подобно всем вирусам, во множестве распространившимся по планете в последние три десятилетия, вирус габонской лихорадки, как прекрасно знала Клео, был зоонозным, то есть передавался от животных к людям. Пытавшимся выжить обитателям Экваториальной Африки нечего было есть, кроме диких животных. И в своем отчаянии они поедали мертвую плоть последних приматов, любую убитую дичину, заражаясь и передавая дальше смертоносный вирус, зародившийся в колониях летучих мышей, так же изгнанных из привычного места обитания и, таким образом, ставших распространителями пандемии, не представлявшей опасности, пока носители ее оставались у себя дома.

Вторжения в экологические системы всегда бросают нам вызов и больно огрызаются. Однако Клео также была уверена в том, что отщипение задумали не только летучие мыши. *Задумали...* Впрочем, подходит ли это слово к процессу, раз-